

хрусталики глаз горят, словно драгоценность. Волосы у бабушки русые, она их заплетает в косу и укладывает кольцом на голове. Полу-чается как подсолнух. Дедушка так и звал ее всегда. Звал, потому что он умер. И теперь все чаще и чаще на глазах у бабушки появляются слезы, все чаще вспоминает она прожитое, особенно, когда берет в руки фотографию, где они, молодые, запечатлены в годы учебы на фабрично — заводских курсах в 1942 году. Этой фотографии 62 года.

В такие моменты у меня самого сжимается горло, перехватывает дыхание, слезы готовы брызнуть из глаз. Я уже знаю, что бабушке в который раз надо высказаться, облегчить свою душу, выплакать словами свою боль. Я подхожу к бабушке, обнимаю ее, беру фотографию, и мы садимся рядышком на диван. Бабушка мыслями переносится в те далекие военные годы, и в который раз начинает свой горький рассказ, лишь изредка прерываясь на негромкий плач:

«Когда началась война, — начинает повествование бабушка, — мне было 13 лет, а когда кончилась — 17 лет.

22 июня 1941 года в Выксе был солнечный летний день. Воскресенье. Мы всей семьей были в парке, гуляли, катались, слушали пластинки на патефоне, принесенном из дома. Было шумно, весело, радостно. И вдруг... Нет, не было ни завываний сирены, ни леденящего душу визга бомб и оглушительных смертельных разрывов снарядов. Просто громко заговорило радио. Все притихли и стояли, не двигаясь, пока слушали какое-то грозное сообщение. А потом все начали плакать и бежать. Отец быстро обнял нас всех, поцеловал и куда-то пошел. Я закричала и побежала за ним (я очень любила своего отца). Мама схватила меня за руку, успокаивая, а сама рыдала еще громче. Так началась война..!»

Бабушка замолчала... Слезы высохли мгновенно. Взгляд стал от-решенным, жестким. Не замечая меня, бабушка вся была в сорок первом. Я видел ее глаза, полные ненависти к фашистам, ужаса про-исходящего, страха перед неизвестностью. Мое сердце сдавила боль: как будто боль бабушкина передалась мне. Мне захотелось кричать, но я сидел, не шелохнувшись, в памяти моей всплыли строки стихот-ворения Г.Ильина:

*Что может быть печальней этой даты,
Коротких сборов, расставаний, слез,
Невозвратимость дорогой утраты,
Вся наша жизнь, пошедшая вразнос.*

Бабушка глубоко вздохнула, расслабилась, взглянула на меня пе-чальными глазами. «Бабушка, продолжай», — умоляюще попросил я. Бабушка продолжила:

«Началось томительное ожидание писем с фронта. А писем все не было. С фронта приходили известия все мрачней и мрачней. Наша семья уехала жить к родственникам в деревню, из которой на войну стало уходить все больше и больше мужчин. На смену ушед-шим на боевой фронт пришли женщины и мы, подростки, на фронт трудовой. Плакать по ушедшим было некогда: надо было работать. Женщины садились за трактор, становились у барабана сложных молотилок, уходили в ночь на скирдовку хлеба, оставляя малолетних ребятишек одних. Подростки старались не отставать от старших и брались за все, что им поручали: собирали снопы зерновых в скирды, свозили хлеб на ток, стерегли колхозный скот. Работали «крепко», на совесть. Работали бесплатно. Люди сами бежали на работу. Пос-леднее отдавали фронту, а сами жили очень и очень трудно. На рынке в соседнем селе мама меняла на картошку сначала ячмень, а потом почти все, что было привезено с собой. Но больше всего мне было жалко трельяжное зеркало, которое обменяли на три ведра кар-тошки. Из лебеды, сушеных шкурок картофеля пекли лепешки, кото-рые были большим лакомством. Из — за них среди нас, детей, часто возникали ссоры. В огороде вместо клубней сажали шкурки кар-тошки. Был такой случай. Мама взяла меня с собой на рынок. Сто-яла такая жара, что таял асфальт, а у нас были одни тапки на двоих. Обували их по очереди, когда ноги не выдерживали горячего ас-фальта. От голода и палящего солнца я не выдержала и упала на траву. Мама выпросила в деревне, через которую мы шли на рынок, кружку молока, но пить я не смогла — меня тошнило. На рынок я уже не пошла. Для детей военных лет каждый кусочек хлеба являлся символом жизни и спасения. К тому времени стали приходиться сол-датские треугольники и «похоронки». Отец мой был жив. Много радости приносили от него письма с фронта».

Дрожащими руками бабушка достает из старенькой шкатулки смятые треугольники и срывающимся голосом читает вслух:

«Я под Минском, скоро разгромим фашистов. Ждите, я вернусь». «Я под Воронежем, в госпитале контуженный. Стал немного видеть и слышать. Говорить еще не умею. Скоро вернусь. Ждите». Два письма были необычно длинными. «Вот и сейчас пишу под сильную кано —